
З.И. Герсон

«Дама с собачкой»

Композиционный строй большинства чеховских повествовательных произведений с классической ясностью представлен в новелле «Дама с собачкой».

Идейная нагрузка сосредоточена на образе главного героя в переломный момент его жизни. Рядом героиня, разделяющая его искания. Остальные действующие лица очерчены бегло, вскользь и существенной роли в сюжете не играют. Сюжет прост, незамысловат, многократно повторен в литературе. Основа его — роман женатого человека с замужней женщиной.

Никаких драматических поворотов в судьбе героев нет. Гуров не бросает семью, Анна Сергеевна не рвет с мужем, не скомпрометирована, как Анна Каренина. Нет внешних конфликтов (никто не знает о «незаконной» любви героев), внешнего трагизма (никто не гибнет). Внешне это — адюльтерный рассказ. Он и начинается в будничном, прозаическом тоне, прекрасно выражающем пошлый строй жизни героя.

Из краткой предыстории мы узнаем о биографии и жизненных принципах героя, основанных на компромиссах, оправдывающих его в общем нечистоплотную и бес-содержательную жизнь.

Завязкой является банальное знакомство за обедом с молодой женщиной, которому предшествует мысль о возможности мимолетной связи.

В шутливой легкой разговоре выясняется, что герой — человек когда-то к чему-то стремившийся, но опошлившийся, ставший обывателем: «Гуров рассказал, что он москвич, филолог по образованию, но служит в банке; готовился когда-то петь в частной опере, но бросил, имеет в Москве два дома».

Это «но» подчеркивает грань между филологом, певцом — и служащим в банке, домовладельцем и, таким образом, дополняет характеристику, данную в предыстории, намекает на иные возможности героя, зачеркнутые женитьбой, службой, солидным положением в обществе.

В этом же разговоре и в последующих равнодушных воспоминаниях Гурова выясняется, что героиня молода, недавно замужем, живет в провинции, что она недавно была институткой, несмела, что у нее тонкая слабая шея и серые глаза, то есть дается намек на ее молодость, неопытность, чистоту, неудовлетворенность своей жизнью, смутные стремления к чему-то другому, в чем она позже горячо и искренно кается Гурову, оправдывая и обвиняя себя.

Действие второй главы начинается через неделю. Рассказ ведется все в том же эпическом тоне; не мысли, не переживания героев фиксирует автор, а незначительные действия, слова, жесты, в которых, однако, «прорывается» нарастающее душевное напряжение (блестящие глаза Анны Сергеевны, отрывистые вопросы, о которых она тотчас же забывает, потеря лорнетки — все это говорит о смятенном состоянии героини). Но Гуров еще спокоен, в нем сдвига еще не произошло. Он обнимает и целует женщину — и пугливо оглядывается: не видел ли кто? И в номере Анны Сергеевны, неловкой, растерянной, очень серьезно переживающей свое падение, Гуров холоден, спокоен, равнодушен. Ему непонятна и неприятна тревога Анны Сергеевны. В ответ на ее покаянные слова он проявляет полную невозмутимость. Непониманием и равнодушием звучит его ленивая фраза: «Отчего бы я мог перестать уважать тебя?» Он скучает от ее признаний, он все тот же равнодушный, не понимающий тонкостей светский человек... В пейзаже уже предчувствие сдвига: «Город, со своими кипарисами, имел совсем мертвый вид, но море еще шумело и билось о берег, один баркас качался на волнах, и на нем сонно мерцал огонек».

В Ореанде красота природы — шум моря и необъятность гор, неба — подсказывает герою мысль о красоте мира, оскверняемой делами и мыслями людей, забывающих о высших целях бытия. Но это еще только симптом, намек на дальнейшую эволюцию сознания героя. Далее — краткое описание ежедневных встреч, поцелуев, величавых впечатлений природы... и разлука... печальное лицо Анны Сергеевны, исчезающие огни поезда, грусть и легкое раскаяние Гурова. Таким образом, приключение окончено, и новелла, казалось бы, должна быть завершена. Любящая, трогательно беспомощная женщина, высокомерный, грубоватый мужчина, почти вдвое старше ее, грустная разлука, которую печально и с покорностью принимает она — и с легкими угрызениями совести он. Рассказ о неудавшемся счастье, о прозе жизни, восторжествовавшей над минутной поэзией любви, — рассказ в тургеневском духе... Но не это важно Чехову и не этим кончается рассказ. Это еще предыстория по отношению к главному герою.

Образ неудовлетворенной, впервые полюбившей женщины сам по себе не представляет интереса для Чехова. Ему важно другое — воскресение человека, осознание им ненормальности нормального, общепринятого порядка, пробуждение в нем высших стремлений, несовместимых с фальшивой обывательской жизнью, история роста нравственного самосознания человека.

Третья глава — Гуров в Москве. Все та же привычная суетная светская жизнь: рестораны, клубы, юбилеи — все это на поверхности, а внутри медленный подспудный процесс перерождения.

Внешняя жизнь героя чревата никому неведомым внутренним содержанием: нарастает неудовлетворенность, недовольство собой, отчужденность от окружающих. Все это прорывается случайно, под влиянием незначительного внешнего толчка. Пошлая реплика чиновника-партнера вдруг открывает Гурову глаза на жизнь окружающих людей.

«Какие дикие нравы, какие лица! Что за бестолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! Неистовая игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры все об одном. Ненужные дела и разговоры все об одном отхватывают лучшую часть времени, лучшие силы, и в конце концов остается какая-то куца, бескрылая жизнь, какая-то чепуха, и уйти и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах.

Гуров не спал всю ночь и возмущался, и затем весь день провел с головной болью и в следующие ночи он спал дурно, все сидел в постели и думал, или ходил из угла в угол. Дети ему надоели, банк надоед, не хотелось никуда идти, ни о чем говорить».

Герой начинает волноваться и думать, дурно спит. Меняется тон повествования, — он становится напряженно-драматическим, усиливается лирический элемент.

Гуров едет, в С. Он останавливается в лучшем номере гостиницы, где пол обтянут серым сукном, на столе серая от пыли чернильница, против дома Анны Сергеевны серый длинный с гвоздями забор. «От такого забора убежишь», — думает Гуров. И дальше: «он ходил и все больше и больше ненавидел серый забор». Серый оттенок, господствующий в городе, серый забор с гвоздями — не просто обстановочные детали. Ими характеризуется строй жизни в городе, обосновывается неудовлетворенность Анны Сергеевны, символизируется куца, бескрылая жизнь, от которой герои стремятся убежать.

Встретив Анну Сергеевну в театре, Гуров осознает, что для него «на свете нет дороже, ближе и важнее человека: она, затерявшаяся в провинциальной толпе, эта маленькая женщина, ничем не замечательная, с вульгарной лорнеткой в руках, наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем».

Под звуки плохого оркестра скептик, фат начинает горевать, радоваться, думать, мечтать, желать счастья. Внутренний узел затягивается все туже, драматизм и лиризм возрастают, адюльтер превращается в глубокую драму. Автор и тут не описывает душевного состояния героев, демонстрируя его жестами, голосом, выражением лиц, кратким драматическим диалогом.

Повторяющиеся слова: Анны Сергеевны — «испугали», Гурова — «поймите», интонации взволнованные, умоляющие, проникновенно лирические, страстные поцелуи Гурова, уже не оглядывающегося пугливо, как в начале знакомства, — все это дает яркое представление об интенсивности их переживаний.

Наконец, в четвертой главе описываются периодические встречи героев в Москве. Однажды по дороге в Славянский базар, где остановилась Анна Сергеевна, Гуров стал думать о своей жизни — явной, полной условностей, и тайной, заключающей в себе все важное, интересное, необходимое. В размышлениях Гурова обобщается не только горький опыт его жизни, но встает чеховская тема пошлости, ненормальности общепризнанной официальной жизни и необходимости скрывать, прятать, как аномалию, все, что важно, человечно, истинно.

Гуров встречается в Анной Сергеевной, которая плачет от скорбного сознания, что их жизнь так печально сложилась. Он устало садится в кресло: «ну пускай поплачет, а я пока посижу», пьет чай. Но теперь это не акт равнодушия, а выражение грусти, усталости, горького сознания невозможности помочь любимой. При случайном взгляде на себя в зеркало в нем опять вспыхивает протест против нелепости их жизни, против условностей, разлучающих близких, необходимых друг другу людей.

Любовь, изменившая обоих и заставившая осознать ненормальность их жизни, вызвавшая стремление к иной, свободной, разумной жизни, поставила перед ними вопрос: как прорвать оболочку условностей и лжи. «И казалось, еще немного — и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь, и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается».

Это отсутствие сюжетной развязки, незавершенность конфликта, обращенность в будущее и составляет специфику чеховского строения новеллы.

Герои Чехова очень обычные люди, они не идут на прямой разрыв с обществом, они еще не готовы к действию, они полны условностей; они еще только медленно, мучительно приходят к осознанию необходимости этого разрыва, думают, ищут, но именно эти искания и раздумья, характерные для эпохи вызревания новой, революционной теории, интересуют Чехова.

Чехов показал этот процесс в основных его этапах, в «обнаружениях», предоставляя читательскому воображению воссоздать недостающие звенья, «домыслить» несказанное. Отсюда «вершинность» композиции, обычно практикуемое деление на главы, в каждой из которых случайный, казалось бы, факт дает толчок к выявлению накопившихся внутренних изменений.

Не выходя за пределы личного, любовного конфликта, Чехов насыщает его большим общественным и философским содержанием: проблемы интимно-психологические как-то незаметно перерастают в большие, общезначимые социально-философские проблемы, без решения которых нельзя решать вопросы личного порядка. Личное, интимное и общее, социально-значимое тесно переплетено. Через реакции героев на простые жизненные факты, через любовные переживания героев даются социальные оценки, ставятся вопросы общего порядка — о современности и о будущем. Отсюда значимость даже самых интимных сцен и эпизодов, переживаний и действий, выражающих в конечном счете важные общественные процессы.